

ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Россохин

РЕФЛЕКСИЯ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Психоанализ предоставляет уникальный эмпирический материал для исследования динамики личностной рефлексии в измененных состояниях сознания и ее влияния на различные аспекты жизнедеятельности личности. В статье показано, что по мере углубления измененных состояний сознания в ходе психоаналитического процесса происходит активизация, углубление и качественное преобразование рефлексивных процессов личности, что приводит к формированию активного «рефлексирующего Я».

Ключевые слова: личность, рефлексия, психоанализ, измененные состояния сознания, психоаналитический процесс, перенос, контрперенос, регрессия.

Psychoanalysis presents unique empirical material for the research of the dynamics of personality reflection in altered states of consciousness and its impact on different aspects of vital activity of the personality. It was shown that as altered states of consciousness become deeper during the psychoanalytical process the reflexive processes of a personality enhance, become more active and change qualitatively, which is expressed in particular in the formation of the active «reflexive I».

Key words: personality, reflection, psychoanalysis, altered states of consciousness, psychoanalytical process, transference, counter-transference, regression.

Мотивационно-динамическая стратегия исследования организации личности исторически возникла в русле психоанализа и противостоит конституциональной стратегии. Личность при этом понимается не как набор фиксированных черт или характеристик, а как развивающееся динамическое целое. Для мотивационно-динамической стратегии характерна методологическая предпосылка, основанная на убеждении, что в каком-либо одном динамическом образовании, словно в фокусе, сконцентрированы свойства личности как целого (Асмолов, 2001, 2002). Однако данный подход достаточно эвристичен, так как он охватывает такую реальную характеристику личности, как

Россохин Андрей Владимирович — докт. психол. наук, ст. науч. сотр. кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* rossokhin@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-06-00616а).

ее динамичность, и способствует разработке взгляда на личность как на развивающуюся систему.

Проведя психосемантический анализ различных подходов в психологии, В.Ф. Петренко выделил конструкт «анализ личности через ее мотивацию», объединяющий психоанализ и деятельностный подход. Психоанализ исследует противоречия между глубинными мотивами и присвоенными ребенком требованиями общества, конфликт между которыми ведет к различным формам сублимации глубинных влечений или невротизации личности. Теорию А.Н. Леонтьева, трактующую личность как иерархию мотивов, характеризует интерес к факторам, побуждающим субъекта к активности. Но если в психоанализе рефлексивная активность личности в *измененном состоянии сознания* (ИСС) в основном направлена на решение внутриличностных проблем, то в теории деятельности — на расширение сознания человека в его отношении к миру, и мотивационные структуры задаются и формируются обществом. Однако интересен тот факт, что ряд работ в школе Леонтьева, в частности В.А. Петровского, Ф.Е. Василюка и В.К. Вилюнаса отходят от леонтьевской трактовки мотива как предмета потребности и переходят к психоаналитическому пониманию мотивирующей роли психического состояния (Петренко, 1997, 2010).

В отечественной психологии пионерские исследования психоаналитического процесса в целом и его важного феномена — проективной идентификации — принадлежат Е.Т. Соколовой (1995, 2002). Проективная идентификация понимается Е.Т. Соколовой одновременно «в интра- и интерпсихическом аспектах: как примитивная форма самосознания, в которой образы себя и другого недостаточно дифференцированы; но это также и паттерн общения, в котором находят свое не прямое выражение базовые потребности, нужды Я, удовлетворение которых было травматическим образом фрустрировано в раннем детстве... Спроецировав в Другого часть своего Я или “позаимствовав” ее от Другого, пациент становится с ним неразрывно связанным, поскольку только во взаимозависимости он способен компенсировать собственную самонедостаточность» (Соколова, 2002, с. 122). В отношении исследования психоаналитического процесса Е.Т. Соколова отмечает, что исследователь (он же психотерапевт) эмоционально вовлечен в исследуемый процесс, сохраняя при этом определенную нейтральность, необходимую для проведения исследования. Это раздвоение Я на эмоционально включенную и аналитическую позиции оправданно и необходимо как с терапевтической, так и с исследовательской точки зрения. В психоаналитическом процессе исследователь (аналитик) осознанно использует свое эмоциональное погружение в переживания пациента для более углубленного понимания внутриличностных конфликтов

последнего. Е.Т. Соколова отмечает в связи с этим, что рефлексия собственных переживаний помогает аналитику лучше понять нужды пациента.

Рефлексия трансферентных измененных состояний сознания

В ходе психоаналитического процесса субъект, проходящий психоанализ, постепенно погружается в особые регрессивные ИСС, характерной особенностью которых является оживление прошлого в настоящем, приводящее к активизации глубинных бессознательных содержаний личности и к их взаимодействию с сознательным Я. Этот новый интерактивный диалог приводит к возникновению у субъекта специфических *трансферентных ИСС* (Т-ИСС) и создает условия для переосмысления им старых способов рефлексии, неэффективных в этой, новой для него, проблемной ситуации.

Согласно Д.А. Леонтьеву, современный психоанализ «направлен именно на раскрытие уникальных, часто не осознаваемых личностных смыслов. В этом отношении психоанализ имеет некоторую специфику, поскольку если в повседневном общении мы оперируем, как правило, общепринятыми денотативными и коннотативными значениями слов, то психоаналитику нередко приходится сталкиваться с весьма специфичными, глубоко индивидуальными смыслами, игнорирование которых (в частности ориентация исключительно на универсальные символы) становится достаточно распространенной ошибкой» (Леонтьев, 1999, с. 63). Изменения формы категоризации субъекта, сопровождающиеся переходом от ее культурно нормированных форм к иным «точкам сборки» (нестандартным способам упорядочения внутреннего опыта и переживаний), выражают изменения смысловых образований личности и выступают одним из признаков ИСС (Кучеренко и др., 1998). Другой признак, по которому феноменологию, полученную в процессе психоанализа, можно отнести к продукции ИСС, — это присутствие во внешнем диалоге фрагментов внутреннего диалога («диалог сознательного и бессознательного» — Россохин, Измагурова, 2004), т.е. вербально выраженного взаимодействия между структурами Я, имеющими разную степень представленности в сознании (осознанности).

Регрессия, понимаемая как возвращение онтогенетически более ранних моделей поведения и возникающая в критические фазы развития индивида, также есть ИСС, поскольку она сопровождается изменением эмоциональной окраски отражаемого в сознании внутреннего опыта, процессов самосознания, рефлексии, восприятия времени и последовательности происходящих во внутренней реальности событий (Кучеренко и др. 1998). Подобные регрессивные состояния

сознания и та или иная рефлексивная активность в ИСС возникают у субъекта в ходе психоанализа и находят свое отражение в вербальном материале психоаналитических сессий. Соответственно посредством изучения этого вербального материала могут быть исследованы и сами ИСС, и динамика рефлексивной активности в них. Тенденция к регрессии в ходе психоанализа возникает у субъекта в момент развития феномена переноса как реакции на возникновение новой для него, проблемно-конфликтной ситуации, связанной с проявлениями «прошлого в настоящем».

Г. Кельман (Kelman, 1975) утверждает, что ИСС — неотъемлемая часть психоаналитического процесса, и аналитики могут осознавать или оставаться в той или иной степени неведения в отношении ИСС как пациентов, так и своих собственных.

Многие психоаналитические работы посвящены описанию процесса регрессии, состояниям субъекта на ее различных стадиях, возникающим у него при этом психическим содержаниям, и, наконец, рефлексивным процессам, происходящим в этих ИСС как у аналитика, так и у субъекта. Как отмечают американские психоаналитики Л. Арон и А. Бушра (Aron, 1996; Aron, Bushra, 1988), целый ряд авторов, описывающих психоаналитический процесс, прямо используют понятие ИСС. Широко известен интерес Д. Рапапорта к ИСС. Он проводил систематические интроспективные исследования на самом себе, описывая переходы из одного ИСС в другое (Rapaport, 1951, 1967) и особенности своей рефлексии в этих ИСС. Интерперсональный психоаналитик Ф. Бромберг (Bromberg, 1979, 1994, 1996) и один из современных лидеров американской эго-психологической школы Ш. Бах (Bach, 1985, 1994) отчетливо обозначили свой интерес к изучению проблемы ИСС. По мнению Бромберга, психоанализ идеально расширяет возможность для углубления регрессии в присутствии Другого, обеспечивая таким образом принятие большего ассортимента ИСС. Последнее, с его точки зрения, служит важным шагом по направлению к саморегуляции и, в конечном счете, к личностной интеграции. Уникальность психоаналитической ситуации, согласно Бромбергу, состоит в том, что она может использоваться как потенциальное переходное пространство, в котором субъект может, не теряя полностью рефлексии, позволить себе перейти в ИСС, поддерживаемые психоаналитическим внушением и присутствием аналитика. С. Бах (Bach, 1985) идет еще дальше, утверждая, что психоаналитический процесс создает для субъекта особую возможность свободно передвигаться между множеством альтернативных ИСС, осознавая себя при этом через множество различных эго-состояний и рефлексивно переосмысливая возникающие в этих ИСС психические содержания.

Л. Арон (Aron, 1996) считает, что только сейчас, в связи с накоплением знаний о проявлениях контрпереноса и осознанием продолжительного влияния аналитика и субъекта друг на друга, психоаналитики могут развить расширенное представление о полном наборе ИСС, возникающих в ходе психоаналитической работы, и уточнить рефлексивные процессы, осуществляющиеся в этих ИСС. Совместно с А. Бушра (Aron, Bushra, 1998) он рассматривает концепцию регрессии в терминах ИСС и утверждает, что аналитик и субъект взаимно регулируют измененные регрессивные состояния друг друга, что является важнейшим и неизбежным аспектом психоаналитического процесса. Главными задачами психоаналитика при этом становятся помощь субъекту в рефлексивном переосмыслении психических содержаний, возникающих в ИСС (а также в переходе в ИСС, наиболее подходящее для текущих целей анализа), и в целом — развитие способностей субъекта к лучшему внутреннему и интерперсональному регулированию ИСС, более свободному переключению с одного состояния на другое. Аналитик должен быть способен к осуществлению хорошей рефлексивно-аналитической работы в собственном ИСС, сохраняя при этом связь с ИСС субъекта и помогая ему также овладеть этой рефлексивной способностью. Авторы уверены, что именно это даст возможность субъекту сохранить независимость от аналитика.

Большой вклад в прояснение влияния аналитика на регуляцию ИСС субъекта внесла работа Б. Левина. Напоминая об исторической связи между гипнозом и психоанализом, он утверждает, что «аналитическая ситуация — это измененная гипнотическая ситуация» (Lewin, 1955, p. 169). Обращаясь к понятию трансфера, он описывает скрытый смысл его традиционной интерпретации: «Проснитесь! Я на самом деле не Ваш отец, прекратите мечтать и искажать реальность, пробуждайтесь!» Если же субъект сопротивляется и не позволяет развиваться регрессу и отцовскому переносу, то, что бы аналитик ни говорил, имплицитное послание будет следующим: «Позвольте себе заснуть и потерять связь с реальностью. Разрешите себе увидеть во сне, что я Ваш отец!» В целом для Левина, «аналитик непрерывно заставляет субъекта или до некоторой степени просыпаться, или неглубоко засыпать, успокаиваться или возбуждаться; и этот эффект может быть совершенно бессознательным как для субъекта, так и для аналитика» (ibid, p. 193). Описанные Левиным Т-ИСС рассматриваются в психоаналитической концепции переноса. Сама эта концепция и техническое использование переноса в психоанализе со времени его первого описания Фрейдом как психического процесса, спонтанно возникающего в психоанализе и являющегося «неизбежной необходимостью», претерпели значительную эволюцию и имеют свою собственную сложную историю развития.

В широком смысле перенос — Т-ИСС субъекта — рассматривается как универсальный феномен, проявляющийся в межличностных отношениях. В узком смысле под переносом понимается специфическое отношение субъекта к аналитику. Важнейшим следствием фрейдовской концепции явилось понимание возможности переноса и его рефлексивного осмысления (достижения глубоких Т-ИСС при сохранении рефлексии) как важнейших психоаналитических инструментов.

Фрейд был полностью убежден, что перенос имеет центральное значение для психоаналитической практики. С технической точки зрения, согласно Фрейду, аналитик должен всячески стремиться усилить проявления переноса. Предполагалось, что в ходе последующей рефлексивной проработки достигается разрешение переноса путем полного осознания его инфантильного происхождения, приводящее к устранению проблем субъекта (Bergmann, 1993).

Начиная с 1970-х гг. в психоаналитических журналах появилось много работ, направленных на пересмотр этой фрейдовской концепции переноса как «центрального технического и концептуального средства психоанализа». Критики отмечали, что, во-первых, глубокие Т-ИСС не могут быть полностью проработаны и окончательно разрешены; во-вторых, полное развитие регрессивного ИСС в анализе нежелательно, так как возникающая при этом сильная регрессия может привести к значительному ослаблению рефлексирующего Я субъекта.

Ида Макалпин одна из первых обращает внимание на то обстоятельство, что окончательный выход из Т-ИСС и их постаналитическая судьба не были в достаточной мере поняты и изучены. Она критически заостряет проблему: «Всякий раз перенос, наконец, разрешался. Это происходило в течение некоторого периода времени после окончания анализа. Эта особенность разрешения переноса извлекает от строгого научного наблюдения» (Macalpine, 1950, p. 534). Еще дальше идет Энни Райх, предупреждая, что перенос не всегда может быть разрешен благодаря аналитической рефлексии. «Иногда отношение субъекта к аналитику может стать первым действительно надежным объектным отношением в жизни субъекта, что является чрезвычайным обстоятельством, влекущим за собой опасность, что это отношение может стать серьезной помехой возможности когда-либо проанализировать перенос» (Reich, 1958, p. 230). В теории техники считается, что аналитик способен полностью разрешить перенос, если в процессе анализа он помогает субъекту рефлексивно прорабатывать свой перенос в ИСС, владеет своим контрпереносом и остается инкогнито. Л. Куби (Kubie, 1968), тем не менее, сомневается, что даже строгая приверженность этим принципам гарантирует возможность разрешения переноса.

Соглашаясь с классическим представлением о переносе как о центральном аналитическом инструменте, Р. Уайт замечает, что «идея разрешения переноса вводит в заблуждение, если мы подразумеваем, что перенос количественно уменьшается или уничтожается. Скорее, перенос модифицируется и превращается в более зрелую объектную связь с аналитиком, в которой существует комбинация инсайта, восстановления памяти и опыта новых эмоций» (White, 1992, p. 335).

Пересмотр и преобразование психоаналитической теории переноса отчетливо прослеживается в работах Г. Левальда (Loewald, 1960, 1971). В фундаментальном исследовании, посвященном терапевтическому действию психоанализа и целиком основанному на переносе как ключевой психоаналитической концепции, Левальд, в частности, демонстрирует некоторые интересные и важные параллели между аналитическим процессом как процессом развития и разрешения переноса и процессом рефлексивного развития эго (Loewald, 1960).

М. Бергманн подчеркивает, что в ранних работах фокус внимания Левальда сосредоточивался на переносе и его рефлексивной проработке и разрешении, но позднее под влиянием теории объектных отношений Левальд изменяет акцент — анализ направляется на процесс взаимодействия с аналитиком как с новым объектом. В ходе этого процесса для субъекта становятся возможными новые взаимоотношения со значимыми людьми в реальной жизни (Bergmann, 1988).

Со временем среди психоаналитиков росло понимание, что процесс полного вывода субъекта из глубоких Т-ИСС и достижение им внутриспсихического изменения с помощью рефлексивно-аналитической работы с переносом оказались значительно более трудными, чем предполагали Фрейд и другие пионеры психоаналитического движения. Клинически не доказанное убеждение в целительной мощи Т-ИСС породило в 1970-х гг. кризис эго-психологического направления, доминировавшего в американском психоанализе, и соответствующее возрастание роли и влияния теории объектных отношений. Взаимоотношения между Я и интернализированными объект-репрезентациями, являющиеся ядром этой теории, становятся все более актуальными и значимыми и для других направлений. Акцентирование объектных отношений вводит в анализ фактор, имеющий равную значимость с интерпретацией, — отношения между аналитиком и субъектом.

В интерактивной (учитывающей невербальные аспекты взаимодействия) аналитической технике намного большее значение придается факторам поддержки аналитического процесса и значительно большее внимание уделяется рефлексивным процессам и реальности (не только реальности регрессивных ИСС, связанных с

активизацией прошлого, но также реальности самой аналитической ситуации), в которой не все автоматически оценивается как перенос (Treurniet, 1993).

Под влиянием теории объектных отношений и психологии двух и трех персон (Balint, 1950) стало возрастать внимание к бессознательным значениям актуальной ситуации здесь-и-теперь — «бессознательному настоящему» (Sandler, Sandler, 1987) во взаимодействии аналитика и субъекта. Аналитическая рефлексия все больше переносится с аффективной напряженности бессознательных конфликтов субъекта в ИСС на подробный анализ аффективного материала, преобладающего в данной клинической ситуации (здесь-и-теперь). Соответствующая техническая позиция представляет собой, согласно О. Кернбергу, конкретный рефлексивный анализ переноса и контрпереноса в текущей аналитической ситуации на каждом сеансе (Kernberg, 1993). Этот подход наиболее активно развивается аналитиками из Британской независимой группы (Bollas, 1989; Casement, 1991; Ogden, 1989; Stewart, 1987) и поддерживается практически всеми основными современными психоаналитическими школами.

Разрабатывая новые концепции, современные исследователи возвращаются к ключевым идеям Р. Штербы (Sterba, 1934), чей подход направлен на формирование аналитиком у пациента особой рефлексивной способности вызывать в моменты глубоких Т-ИСС «аналитическое расщепление» Эго, отстраняться от переживаний, наблюдать их со стороны и рефлексивно переосмысливать (анализировать вслед за аналитиком, но все больше самостоятельно и независимо от него) регрессирующую часть эго. Этот процесс помогает аналитику проработать трансферентное сопротивление пациента в ИСС. Штерба разрабатывает концепцию аналитического союза и дает его предельно конкретное определение: это временное, а не постоянное взаимодействие рефлексующего эго субъекта с аналитиком (сейчас мы бы сказали с рефлексивным эго аналитика), возникающее в процессе интерпретации сопротивления переносу пациента и основывающееся на временном частичном выходе субъекта из конфликтных Т-ИСС (аналитическом расщеплении эго) и на его способности благодаря рефлексии увидеть свое трансферентное поведение более объективно. Аналитическое расщепление эго у субъекта в глубоких ИСС становится возможным благодаря специально направленным на достижение этой цели интерпретациям и возникающей в ходе аналитической работы идентификации рефлексующего, ориентированного на реальность эго субъекта с рефлексивным эго аналитика. Возрастающая идентификация с функциями аналитика позволяет субъекту развивать собственный

рефлексивный процесс и принимать больше ответственности за происходящий аналитический процесс.

Продолжая линию Р. Штербы, М. Гилл (Gill, 1982) еще более акцентирует активность рефлексивного эго субъекта в Т-ИСС. С его точки зрения, оно должно активно участвовать в аналитической работе и помогать аналитику перевести перенос из пассивного навязчивого повторения в активный мощный инструмент личностного изменения субъекта. Проблему разрешения переноса в ИСС он предлагает решать, используя специальную рефлексивную работу. Согласно М. Гиллу, рефлексивное эго субъекта в ИСС, не только не «растворившееся» в регрессивных переживаниях, но даже окрепшее в ходе рефлексивной проработки сопротивлений, должно быть способно более эффективно подойти к рефлексивному разрешению трансферентных взаимоотношений здесь-и-теперь. Гилл уверен, что рефлексивная проработка Т-ИСС в ситуации здесь-и-теперь позволяет субъекту обрести новый опыт, который в сочетании с более глубоким пониманием и возрастающей способностью к рефлексии в ИСС становится критически важным для разрешения переноса.

Основной технической целью раннего этапа развития классического анализа считалась эффективная интеграция личного прошлого субъекта в его нынешнюю психическую жизнь. Однако Л. Стоун (Stone, 1981), как и М. Гилл, полагает, что с точки зрения аналитической эффективности этот подход себя не оправдал. Он рекомендует вести кропотливую рефлексивную аналитическую работу в ИСС в ситуации здесь-и-теперь, имея дело в большей степени с защитными механизмами эго, чем с бессознательными фантазиями.

Основываясь на своей вневременной концепции психоаналитического процесса, Р. Шафер предлагает чрезвычайно интересный и актуальный вариант решения сложной и запутанной проблемы выхода из Т-ИСС. То, что раньше считалось аналитической регрессией, он рассматривает как особый тип развития личности, характерный для аналитической работы. Шафер имеет в виду следующее: вневременная форма опыта и рефлексии, возникающая в ИСС в ситуации здесь-и-теперь, не является продуктом регрессии, а представляет собой результат совместной работы аналитика и субъекта в условиях контролируемой ситуации. Он полагает, что именно эта, возникающая в ходе успешного анализа, вневременная форма опыта ИСС и рефлексии и должна быть рассмотрена в качестве нового типа опыта, приводящего к развитию личности. В этом случае (когда этот новый опыт возникает) «прошлое появляется как никогда прежде не переживавшееся и настоящее становится тем, что никогда не могло бы быть испытано без этого анализа» (Schafer, 1982, p. 82).

Рефлексия контртрансферентных измененных состояний сознания

Важнейшим и в то же время одним из наиболее трудных и злободневных вопросов современного психоанализа является выяснение влияния личности аналитика, стиля его рефлексивной работы и возникающих у него в процессе анализа собственных *контртрансферентных ИСС* (Кт-ИСС) на развитие и динамику Т-ИСС субъекта и на развитие его способности к осуществлению аналитической рефлексии.

М. Глюксман (Glucksmann, 1998) подробно описывает Кт-ИСС, возникающие у аналитика в ходе психоаналитического процесса. Это могут быть состояния невнимательности, скуки, сонливости и пустоты или некоторой потери идентичности, ощущения бессмысленности, интеллектуального или эмоционального «паралича», беспомощности или утраты чувства реальности. В целом, с его точки зрения, Кт-ИСС любого психоаналитика выполняют защитную функцию или представляет собой форму идентификации с пациентом. Глюксман считает, что ИСС, в которые погружается аналитик, необходимо рассматривать как состояния, принадлежащие обширному множеству когнитивных, эмоциональных, перцептивных, телесных и поведенческих Кт-реакций аналитика, и подробно демонстрирует разные аспекты проявления Кт-ИСС в ходе эмпирического анализа клинических случаев.

Задавая себе вопрос, могут ли Т-ИСС быть реальным и ярким повторением прошлого в ситуации здесь-и-теперь без участия и вовлечения Кт-переживаний аналитика, Р. Уайт отвечает на него, описывая перенос как переживания в аналитической ситуации, которые субъект разворачивает в виде представления (игры), где аналитику отводится конкретная и важная роль. «Участие пациента в представлении состоит из бессознательных трансферентных реакций, сознательных аспектов аналитического союза и реальных взаимоотношений с аналитиком. Реальные отношения включают реакцию на личность и стиль аналитика и на контрперенос аналитика. Бессознательный перенос пациента формирует первичную динамику в содержании большинства представлений» (White, 1992, p. 340).

Субъект, погруженный в ИСС и не рефлексирующий мотивы собственного поведения, или пассивно ожидает, что аналитик присоединится к игре, или активно провоцирует его занять соответствующую ролевую позицию. Эффективная аналитическая позиция при этом не заключается в выборе между двумя крайними альтернативами — участие или не участие в разыгрываемом субъектом представлении. Уайт подчеркивает, что аналитик в любом случае вовлекается и участвует в таком представлении. Более важно получить ответ на вопрос:

способен ли аналитик рефлексировать моменты в аналитическом процессе, когда субъект неосознанно втягивает его в свои ИСС, и что он делает с этим?

С этих же позиций рассуждает Б. Бирд, в согласии с Винникоттом утверждающий, что «пациент должен иметь возможность включить аналитика в свои состояния... чтобы разделить их с аналитиком» (Bird, 1972, р. 279). Н. Треурнит акцентирует внимание на очень важном моменте, добавляя, что на определенной фазе развития аналитического процесса наступает «момент истины, когда пациенту необходимо чувствовать, что он может пробудить подлинные эмоции в аналитике... Сознательно или бессознательно, пациент наблюдает, как его аналитик справляется с этими трудными периодами: примет ли он и как примет проекции своего пациента, “переживет” ли и как “переживет” агрессию и всемогущество своего пациента» (Treurniet, 1993, р. 879). От этого, с его точки зрения, зависит или возможность продуктивной рефлексии и использования (в духе Винникотта) субъектом своего аналитика как объекта в ИСС, или, напротив, потеря субъектом способности к аналитической рефлексии, возрастание у него тревожности и бегство в «карающую самокритику» или патологическую уверенность (Adler, 1989). Ссылаясь на исследование Дж. Вайсса и Г. Сэмпсона (Weiss, Sampson, 1986), Н. Треурнит утверждает, что аналитик становится для субъекта новым терапевтически эффективным объектом только тогда, когда успешно проходит испытание, которое ему устраивает субъект.

Р. Уайт описывает вступление субъекта в трансферентную игру ИСС как результат традиционного анализа и проработки сопротивления переносу. В согласии с М. Гиллом он понимает анализ сопротивления разрешению переноса как взаимные рефлексивные усилия субъекта и аналитика по проработке Т-ИСС, в результате чего становится возможным прекращение навязчивого повторения переноса и открытие новых межличностных взаимоотношений. Техническую проблему представляет собой формирование у субъекта рефлексивной способности прорабатывать трансферентную игру. Как отмечает Уайт, цель сопротивления в этой точке психоаналитического процесса — поддержать повторение и представление — субъект находится в Т-ИСС и еще должен понять, что это искажение, которое требует рефлексивной проработки. Основываясь на понятии игры, Уайт, не ссылаясь, однако, ни на Штербу, ни на Гилла, предлагает метафорический выход из этой дилеммы: «Пациент как главный герой и режиссер одновременно назначает роль аналитику и ожидает соответствующей реакции. Когда аналитик реагирует иначе, чем ожидалось, пациент удивляется. Удивление часто является тем самым фактором, который

запускает процесс вытягивания пациента из его роли. Способность аналитика выйти из игры помогает привлечь внимание пациента к различным исполняемым ролям, постепенно обучая его таким образом развивать аналогичную способность (разделение между наблюдением и переживанием)» (White, 1992, p. 347).

Исследуя сложную динамику взаимоотношений в диаде аналитик—субъект, Левальд усиливает свои прежние формулировки (Loewald, 1971), утверждая, что возникающий здесь-и-теперь опыт бессознательного взаимодействия между субъектом и аналитиком (перенос—контрперенос) является необходимым условием для более глубокой рефлексивной проработки бессознательных конфликтов субъекта. Он отмечает, что и аналитик, и субъект осуществляют не только переносы друг на друга, но также и контрпереносы — реакции на перенос другого участника аналитической диады. Стараясь осуществить перенос, субъект вызывает в аналитике эмоциональную реакцию, а не продуманный аналитический ответ (Chused, 1991; McLaughlin, 1991). Дж. Маклафлин (McLaughlin, 1991) и Левальд (Loewald, 1986) утверждают, что эмоциональные реакции аналитика (или их отсутствие), которые возникают в Кт-ИСС уже самого аналитика, в действительности состоят из смеси переноса аналитика на субъекта и его контрреакции на перенос субъекта (эмпатического ответа на давление переноса субъекта) (White, 1992).

Подтверждая взгляды Маклафлина и Левальда, Треурнит (Treurniet, 1993), ссылаясь на Райкрофта (Rycroft, 1958), замечает, что проблема взаимоотношений в аналитической диаде — это в первую очередь проблема аффектов, возникающих в ИСС, и также проблема их рефлексивного осмысления и переработки. Согласно Райкрофту, аффекты одновременно со свойством быть видимыми и наблюдаемыми фактами, обладают способностью вызывать в наблюдателе аффективный отклик (ответное ИСС). Плач ребенка является верным признаком того, что он испытывает определенный дискомфорт, и вместе с тем он порождает соответствующие эмоциональные реакции у матери. Райкрофт убежден, что во многом в результате эмоционального взаимодействия возникает (или не возникает) чувство контакта между аналитиком и субъектом (Rycroft, 1958).

Начало описанному выше позитивному отношению к Кт-ИСС аналитика было положено работами П. Хайманн (Heimann, 1950), М. Литл (Little, 1951), Д. Винникотта (Winnicott, 1949) и др. Негативное отношение к Кт-ИСС в классическом анализе, иногда переходящее даже в фобическую установку, в новой концепции контрпереноса, возникшей в начале 1950-х гг., трансформировалось сначала в свою полную противоположность. Наиболее ясно это сформулировала П. Хайманн:

«...эмоциональная реакция аналитика на пациента в аналитической ситуации является одним из наиболее важных инструментов в его работе. Контрперенос аналитика — это инструмент исследования бессознательного у пациента» (Heimann, 1950, p. 82).

Еще более обостряя формулировку Хайманн, Левальд утверждает, что «способность к контрпереносу является мерой умения аналитика анализировать. Контрперенос, в этом общем значении, является условием для отзывчивости аналитика к любви-ненависти пациента по отношению к аналитику» (Loewald, 1986, p. 286). Он указывает, что любая эффективная интерпретация выступает следствием истинной психоаналитической рефлексии и понимания, которые могут возникнуть только при условии «резонанса между бессознательным пациента и бессознательным аналитика» (ibid, p. 283). Треурнит (Treurniet, 1993) добавляет, что явная или скрытая эмоциональная коммуникация, которую субъект, погруженный в регрессивные ИСС, пытается установить с аналитиком, в техническом смысле является эквивалентом свободной ассоциации, а следовательно, столь же эффективным материалом для рефлексивной аналитической работы.

Молчаливое участие аналитика в разворачиваемом представлении (в ИСС субъекта), согласно Дж. Чусед (Chused, 1991), дает ему возможность рефлексировать свои собственные эмоциональные реакции, мысли, фантазии, воспоминания, сравнивая их с характерными для него привычными и обыденными реакциями. Это позволяет аналитику отделить перенос на субъекта от своих реакций на его перенос (реакций на провоцирование субъектом у аналитика того или иного «ролевого» отклика или на пассивное ожидание того, что аналитик примет отведенную ему роль в Т-ИСС субъекта). Сознательное переживание реакций на перенос в собственных ИСС и их рефлексивное переосмысление позволяет аналитику лучше прочувствовать внутренние конфликты субъекта и патологичность создаваемых им объектных отношений. Внутренний анализ и рефлексивная проработка этих реакций (самоанализ) в ИСС делают возможным более глубокое понимание субъекта и путей помощи ему, что в конечном счете помогает выбрать нужную стратегию аналитической работы и скорректировать технику ее проведения (White, 1992).

Д. Эренберг (Ehrenberg, 1992) также настаивает на активной работе с эмоциональными аспектами опыта здесь-и-теперь как субъекта, так и аналитика. Одна из важнейших стратегий аналитической работы, по Эренбергу, состоит в постоянной рефлексии аналитиком собственного эмоционального состояния в ИСС, индуцированных субъектом, анализе этого состояния и при достижении понимания его причин предъявлении субъекту напрямую «без метапсихологиче-

ской путаницы и дистанцирования эмоционально сбалансированных здесь-и-теперь интерпретаций». Эренберг уверен, что иногда аналитик должен быть способен некоторое время работать, находясь под влиянием осознаваемого им Кт-ИСС. Это необходимо, чтобы лучше понять скрытый эмоциональный материал бессознательного настоящего. «Даже если мы сами не знаем, почему мы реагируем данным образом, мы можем все еще использовать нашу реакцию как подсказку к тому факту, что нечто во взаимодействии аналитика и пациента должно быть отрефлексовано и проинтерпретировано» (ibid, p. 36). Аналитик, по Эренбергу, должен идти на риск, адресуя субъекту свои эмоциональные ответы. Это предохраняет аналитическую работу от опасности интеллектуализации и способствует достижению аналитического инсайта. Аналитик при этом должен быть предельно внимателен к возможным проявлениям своего собственного сопротивления вхождению в Кт-ИСС.

Анализируя динамику процесса переноса-контрпереноса в ИСС в ситуации здесь-и-теперь (бессознательном настоящем), П. Пантон (Pantone, 1994) обращается к работе К. Болласа (Bollas, 1983), в которой, с его точки зрения, фокус внимания направлен на исследование эмоционального взаимодействия аналитика и субъекта. Боллас, полностью соглашаясь с Эренбергом, утверждает, что понимание аналитиком субъекта и в целом тех взаимоотношений, которые разворачиваются между ними в аналитической ситуации, во многом зависит от осознания и рефлексивной переработки аналитиком собственных эмоциональных состояний в ИСС. Подчеркивая важность рефлексии и самоанализа в ИСС, Боллас предлагает аналитику думать о себе как о другом субъекте, также находящемся в аналитическом кабинете.

К позициям Эренберга и Болласа Пантон добавляет, что, по его мнению, взаимодействие аналитика и субъекта теряет важнейшую составляющую, если субъект не получает от аналитика определенную версию его мыслей и чувств в различных ключевых точках психоаналитического процесса. Он утверждает: «...пациент и аналитик непрерывно находятся в эмоциональном отношении, в котором они оба активно участвуют на бессознательном уровне, несмотря на решение каждого участника быть неэмоциональным... открытие этой эмоциональной связи и ее рефлексивная проработка является важнейшим аспектом того, что есть аналитического в психоанализе» (Pantone, 1994, p. 609).

Вместе с тем Уайт в очередной раз предостерегает, что технический подход, постулирующий полезность и желательность личностного отношения аналитика к субъекту, следует не смешивать с остающейся чрезвычайно актуальной классической позицией — любое вторжение

контрпереноса аналитика (контрпереноса как переноса на субъекта), хотя и являющееся с современной точки зрения спонтанным и неизбежным, необходимо индивидуально рефлексивно прорабатывать и его влияние на анализ должно быть по возможности устранено. Уайт описывает целый диапазон Кт-ответов аналитика в ИСС — от незначительных оплошностей в технике до более организованного и устойчивого участия в переносе субъекта, иногда приобретающего черты бессознательного сговора между аналитиком и субъектом. Он же, тем не менее, подчеркивает, что независимо от того, было ли участие контрпереноса аналитика в «трансферентной игре» скрытым или явным, решающим, с точки зрения эффективности анализа, фактором является рефлексивная «способность аналитика выйти за пределы представления, сформировать свое понимание взаимного опыта и передать это понимание субъекту с помощью интерпретации» (White, 1992, p. 345). Осознание собственного участия в трансферентно-контртрансферентных ИСС помогает аналитику более отчетливо понять перенос субъекта. Это различие между бессознательнымотреагированием и рефлексией в ИСС и делает возможной интерпретацию сопротивления разрешению переноса в здесь-и-теперь.

Таким образом, мерой аналитического умения становится не только способность входить в резонанс с бессознательным субъекта (Loewald, 1986), но и, что не менее важно, способность параллельно рефлексивно осмысливать происходящее в ИСС, сохраняя активное «рабочее эго» (Fliess, 1942), или умение вовремя выйти из этих ИСС, восстанавливая его активность.

В современной психоаналитической технике фокус рефлексии аналитика в ИСС должен быть в равной степени направлен на осознание своих эмоциональных реакций как возможных проявлений собственных бессознательных конфликтов (контрпереноса как переноса на субъекта) и на анализ контрпереноса (в смысле реакций аналитика на перенос субъекта) как важнейшего инструмента для исследования переноса, «бессознательного настоящего» и взаимоотношений аналитика и субъекта в совместных ИСС. Мы отчетливо видим здесь важнейшую роль, отводящуюся рефлексии в современном психоанализе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асмолов А.Г. Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. М., 2001.
- Асмолов А.Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.
- Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Россохин А.В. Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопр. психологии. 1998. № 3. С. 70—78.

- Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 1999.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск, 1997.
- Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М., 2010.
- Россохин А.В., Измагурова В.Л. Личность в измененных состояниях сознания. М., 2004.
- Соколова Е.Т. К проблеме психотерапии пограничных личностных расстройств // Вопр. психологии. 1995. № 2. С. 92—105.
- Соколова Е.Т. Психотерапия: теория и практика. М., 2002.
- Adler G. Transitional phenomena, projective identification, and the essential ambiguity of the psychoanalytic situation // *Psychoanal. Quart.* 1989. Vol. 58. P. 81—104.
- Aron L.A. Meeting of minds: mutuality in psychoanalysis. Hillsdale, NJ, 1996.
- Aron L.A., Bushra A. Mutual regression: altered state in the psychoanalytic situation // *J. of Amer. Psychoanal. Assoc.* 1988. Vol. 46. P. 389—412.
- Bach S. Narcissistic states and the therapeutic process. N.Y., 1985.
- Bach S. The language of perversion and the language of love. N.Y., 1994.
- Balint M. Changing therapeutic aims and techniques in psychoanalysis // *Int. J. of Psychoanal.* 1950. Vol. 31. P. 117—124.
- Bergmann M.S. On the fate of the intra-psycho image of the psychoanalyst after termination of the analysis // *Psychoanal. Study of the Child.* 1988. Vol. 43. P. 137—153.
- Bergmann M.S. Reflections on the history of psychoanalysis // *J. of the Amer. Psychoanal. Assoc.* 1993. Vol. 41. P. 929—955.
- Bird B. Notes on transference: Universal phenomenon and hardest part of analysis // *J. of Amer. Psychoanal. Assoc.* 1972. Vol. 20. P. 267—301.
- Bollas C. Expressive uses of the countertransference — notes to the patient from oneself // *Contemp. Psychoanal.* 1983. Vol. 19. P. 1—33.
- Bollas C. Forces of destiny. N.Y., 1989.
- Bromberg P.M. Interpersonal psychoanalysis and regression // *Contemp. Psychoanal.* 1979. Vol. 15. P. 647—655.
- Bromberg P.M. «Speak that I may see you»: Some reflections on dissociation, reality, and psychoanalytic listening // *Psychoanal. Dial.* 1994. Vol. 4. P. 517—547.
- Bromberg P.M. Standing in the spaces: The multiplicity of self and the psychoanalytic relationship // *Contemp. Psychoanal.* 1996. Vol. 32. P. 509—535.
- Casement P.J. Learning from the patient. N.Y., 1991.
- Chused J.F. The evocative power of enactments // *J. of Amer. Psychoanal. Assoc.* 1991. Vol. 39. P. 615—639.
- Ehrenberg D.B. The role of the encounter in the process of working through // *Intern. Forum of Psychoanal.* 1992. Vol. 1. P. 44—50.
- Fliess R. The metapsychology of the analyst // *Psychoanal. Quart.* 1942. Vol. 11. P. 211—227.
- Gill M.M. Analysis of transference: In 2 v. Vol. 1. N.Y., 1982.
- Glucksman M.L. Altered states of consciousness in the analyst // *J. of Amer. Acad. of Psychoanal.* 1998. Vol. 26. P. 197—207.
- Heimann P. On counter-transference // *Int. J. of Psychoanal.* 1950. Vol. 31. P. 81—84.
- Kelman H. Altered states of consciousness in therapy // *J. of the Amer. Acad. of Psychoanal.* 1975. Vol. 3. P. 187—204.
- Kernberg O. Convergences and divergences in contemporary psychoanalytic techniques // *Int. J. of Psychoanal.* 1993. Vol. 74. P. 659—673.
- Kubie L.S. Unsolved problems in the resolution of the transference // *Psychoanal. Quart.* 1968. Vol. 37. P. 331—352.
- Lewin B.D. Dream psychology and the analytic situation // *Psychoanal. Quart.* 1955. Vol. 24. P. 169—199.

- Little M.* Counter-transference and the patient's response to it // Int. J. of Psychoanal. 1951. Vol. 32. P. 32—40.
- Loewald H.W.* On the therapeutic action of psycho-analysis // Int. J. of Psychoanal. 1960. Vol. 41. P. 16—33.
- Loewald H.W.* The transference neurosis: Comments on the concept and the phenomenon // J. of Amer. Psychoanal. Assoc. 1971. Vol. 19. P. 54—66.
- Loewald H.W.* Transference-countertransference // J. of Amer. Psychoanal. Assoc. 1986. Vol. 34. P. 275—287.
- Macalpine I.* The development of the transference // Psychoanal. Quart. 1950. Vol. 19. P. 501—539.
- McLaughlin J.T.* Clinical and theoretical aspects of enactment // J. of Amer. Psychoanal. Assoc. 1991. Vol. 39. P. 595—614.
- Ogden T.H.* On the concept of an autistic-contiguous position // Int. J. of Psychoanal. 1989. Vol. 70. P. 127—140.
- Pantone P.J.* Projective identification: Affective aspects // Contemp. Psychoanal. 1994. Vol. 30. P. 604—618.
- Rapaport D.* Organization and pathology of thought. N.Y., 1951.
- Rapaport D.* States of consciousness // The collected papers of David Rapaport. N.Y., 1967. P. 385—404.
- Reich A.* A special variation of technique // Int. J. of Psychoanal. 1958. Vol. 39. P. 230—234.
- Rycroft C.* An enquiry into the function of words in the psycho-analytical situation // Int. J. of Psychoanal. 1958. Vol. 39. P. 408—415.
- Sandler J., Sandler A.-M.* The past unconscious, the present unconscious, and the vicissitudes of guilt // Int. J. of Psychoanal. 1987. Vol. 68. P. 331—341.
- Schafer R.* The relevance of the «here and now» transference interpretation to the reconstruction of early development // Int. J. of Psychoanal. 1982. Vol. 63. P. 77—82.
- Sterba R.* The fate of the Ego in analytic therapy // Int. J. of Psychoanal. 1934. Vol. 5. P. 117—126.
- Stewart H.* Varieties of transference interpretations: An object-relations view // Int. J. of Psychoanal. 1987. Vol. 68. P. 197—205.
- Stone L.* Some thoughts on the «Here and Now» in psychoanalytic technique and process // Psychoanal. Quart. 1981. Vol. 50. P. 709—733.
- Treurniet N.* What is psychoanalysis now // Int. J. of Psychoanal. 1993. Vol. 74. P. 873—891.
- Weiss J., Sampson H.* On evidence for the concept of repression // J. of Amer. Psychoanal. Assoc. 1986. Vol. 34. P. 492—494.
- White R.S.* Transformations of transference // Psychoanal. Study of the Child. 1992. Vol. 47. P. 329—348.
- Winnicott D.W.* Hate in the counter-transference // Int. J. of Psychoanal. 1949. Vol. 30. P. 69—74.

Поступила в редакцию
18.02.10